

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Из истории русской философии

ПОЛЮСЫ И ВЕКТОРЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Редакция журнала продолжает публикацию статей по теме «Из истории отечественной философской мысли». Как показал обмен мнениями (ФН. 2010. № 1, 3), предложенный ракурс обсуждения темы — выявление главных векторов развития русской философии в историческом и социально-культурном контексте — позволяет увидеть историю отечественной философской мысли не только в последовательности сменявших (и сосуществовавших) направлений и систем, но и как *целостный процесс*, инициированный социокультурными реалиями и логикой развития отечественного способа философствования, дает возможность адекватно оценить и представить эту историю в парадигме *системного плюрализма*.

Такой подход выявил новое проблемное поле обсуждаемой темы. Определяющие его смысл вопросы стали предметом рассмотрения предлагаемых ниже статей.

*И.Н. Сиземская,
руководитель проекта*

О ТЕОРИИ ПЛЮРАЛИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.Н. СТОЛОВИЧ

Многие понятия, несмотря на свою абстрактность, имеют ценностный ореол, который меняет свои значения с каждой «переоценкой ценностей». В полной мере это относится к понятию «плюрализм». В советском варианте марксистско-ленинской философии плюрализм, в противоположность монизму, рассматривался как явление сугубо отрицательное. Во всех советских справочных изданиях плюрализм идеологически третируется как недопустимая концепция, как противостоящий «принципу коммунистической партийности» буржуазно-ревизионистский «объективизм». Однако против плюрализма боролись и борются не только ортодоксальные марксисты-ленинцы, но и сторонники других авторитарных воззрений и идеологического фундаментализма, в том числе и религиозного.

Так, против плюрализма со своей позиции выступил А.И. Солженицын, отнюдь не разделяющий марксистско-ленинских взглядов. Его антиплюралистические воззрения четко выражены в большой статье «Наши плюралисты», написанной в 1982 г.¹

Постперестроечное время породило плюрализм, немислимый в «эпоху развитого социализма». Диапазон мнений и концепций философов, публицистов, литераторов достиг своих пределов. В этих условиях изменилась оценка самого явления плюрализма. В философских словарях он стал определяться более объективно и исторически достоверно. Не удивительно, что *плюрализм* и связанное с ним явление *толерантности* привлекло пристальное внимание в постсоветском мире в связи с его демократизацией.

Но, как говорится, «не долго музыка играла». Разочарование в общественных преобразованиях 90-х гг., ностальгические воспоминания о прошлом и фантомные боли по утраченным частям имперского целого вызвали в некоторых кругах и разочарование в самом принципе плюрализма, расшатывающем «вертикаль власти». Появились резко отрицательные отзывы на новые исследования в области плюрализма. Так, на сайте «Современная философия» (<http://nphilosophy.ru/dialekticheskie-podxod/1.-n.-stolovich-ne-viderjiva-et-sobstvennoie-logiki.html>) появилась анонимная заметка, в которой категорически утверждалось: порочность плюрализма заключается именно в том, что он — проводник западного влияния, что ему нужно уделять внимание, лишь поскольку рассуждения о нем «характерны для западной философии, на которую ориентируется значительная часть отечественной».

Весьма прискорбно, что подобного рода «патриотизм» базируется на невежестве в русской философии, незнании или нежелании знать, что в ней имеются плодотворные разработки самой теории плюрализма и существуют различные варианты плюралистической философии, притом у отнюдь не второстепенных мыслителей.

1. Содержание и значение термина «плюрализм»

В своей классификации типов философов *Христиан Вольф* (1679 — 1754) — популяризатор и систематизатор философских воззрений Лейбница — впервые выделил *плюралистов*, противопоставив их *эгоистам*. Монисты делятся им на *идеалистов* или *материалистов*. Идеалисты же, утверждающие единственную сущность, именуются им *эгоистами*, а те, кто допускает более чем одну сущность, — *плюралистами*². И. Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) полагал, что *плюрализм* — «образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий в своем *Я* весь мир, а только как гражданин мира»³. Такой антропологический *плюрализм* Кант также противопоставлял *эгоизму*. Эгоизм трактуется

им как *логический* («логический эгоист считает излишним проверять свое суждение с помощью рассудка других людей...»), *эстетический* («эстетический эгоист — это тот, кого удовлетворяет его собственный вкус...») и *моральный* («моральный эгоист — это тот, кто все цели ограничивает самим собою...»). Чрезвычайно интересно, что в противоположность «логическому эгоисту» Кант выдвигает требование «свободы печати»: «...дело в том, что если нам не дают высказываться свободно, то этим нас лишают надежного средства проверять правильность наших собственных суждений и подвергают нас опасности заблуждений»⁴.

В современном словоупотреблении термин *плюрализм*, во-первых, обозначает несколько независимых начал бытия. Такого рода философский плюрализм называется *онтологическим*, или *бытийным плюрализмом*. Примером его является античный атомизм, по учению которого мир состоит из множества атомов, или философия Лейбница, считавшего мир состоящим из бесконечного числа монад — неделимых духовных субстанций.

Помимо слова «*онтологический*» к слову «плюрализм» добавляется также эпитет, указывающий на ту сферу, в которой утверждается та или иная множественность: так появляются *гносеологический*, или *эпистемологический плюрализм*, т.е. плюрализм в процессе или в теории познания; *психологический плюрализм* — плюрализм в трактовке человеческой психики; *космологический плюрализм*, утверждающий множественность миров; *теологический плюрализм*, рассматривающий многообразие религиозного опыта или же предполагающий несколько начал в том или другом вероучении.

Во-вторых, плюрализмом в философии называют утверждение двух или нескольких принципов. Такой тип плюрализма можно охарактеризовать как *концептуальный*. В этом смысле *плюрализм* (или *дуализм*, если за основание берутся два принципа, как у Декарта, — материальный и идеальный) противоположен *монизму* — следованию единому принципу, будь то последовательный идеализм или материализм. Плюралистическая философия сочетает в себе различные концепции своих предшественников, при том, что эти сочетания могут быть как эклектическими, так и неэклектическими.

Между *онтологическим* и *концептуальным* значениями плюрализма может возникать определенное несоответствие. Так, античный атомизм является онтологическим плюралистическим учением, рассматривающим мир как состоящий из множества самостоятельных мельчайших частиц — атомов. Но, с другой стороны, атомизм проводил единый принцип универсального строения всех атомов и в этом смысле концептуально являлся монистической философией.

2. Системный плюрализм

Такие типологические категории, как «идеализм», «материализм», «рационализм», «иррационализм», «эмпиризм», «сенсуализм», «диалектика», «интуитивизм» и т.д., могут характеризовать ту или другую конкретную философскую систему только в своей совокупности. Поэтому, на мой взгляд, правомерно такое понятие, как «системный плюрализм», которое характеризует индивидуальное своеобразие философских воззрений того или иного мыслителя. Таким *системным плюрализмом* обладает, по сути дела, всякая выдающаяся философская система. Неслучайно такие «совокупности» носят собственные имена: Платон, Аристотель, Кант, и т.п. И эти имена в своей системной совокупности порождают новые собственные имена. Своеобразным *плюралистическим синтезом* антропологического материализма Фейербаха и диалектического метода Гегеля стала и марксистская философия. Результатом этого плюрализма было появление того философского направления, которое затем получило наименование *диалектического материализма*.

Вся история философской мысли характеризуется системным плюрализмом. Художественным образом диалогического единства плюрализма философских учений является ватиканская фреска Рафаэля «Афинская школа», на которой античные философы, жившие в разные времена, объединены друг с другом не только единым материальным пространством, но и духовным простором, символизируемым грандиозным архитектурным сооружением. На фоне этого простора каждый философ, будь то Пифагор или Сократ, Евклид или Диоген, сохраняют свою неповторимую индивидуальность. Но в то же время они вступают друг с другом в локальные диалоги, которые объединяет «большой диалог» стоящих в центре Платона, указующего перстом вверх, и Аристотеля, правая рука которого обращена к земле.

Существуют такие виды плюрализма, которые не заслуживают положительной оценки. Это «*эклeктический плюрализм*» и «*плюрализм релятивистский*». Отрицательное отношение к плюрализму чаще всего обусловлено именно тем, что его нередко отождествляют с эклектикой. Не без основания было замечено, что *плюрализм хорош, но не в одной голове*. По афористическому определению поэта Наума Коржавина, «*плюрализм в одной голове — это шизофрения*». Такой плюрализм в одной голове и называется эклектикой. Эклектика (греч. *εκλεκτική* — «способный выбирать, выбирающий») — внешне механическое смешение разнородных принципов — не является, конечно, достоинством мышления ни в философии, ни в искусстве («эклектика стилей»). В эклектической смеси элементы взаимно антагонистичны. Их сочетание, говоря словами М. Жванецкого, подобно одновременному действию снотворного и слабительного. По словам П.Л. Лаврова, «обыкновенно эклектизмом называют учение, соединяющее механи-

чески результаты различных школ, не сплавляя их в одно стройное целое»⁵. Вместе с тем, думается, эклектикой является и так называемый релятивизм в философии, в аксиологии, в этике, в эстетике (но отнюдь не в физике). Релятивизм разрушает диалектическую систему соотношения относительного и абсолютного. Релятивизм – это абсолютизация относительности человеческого познания, отрицание какой бы то ни было его истинности, полная субъективизация ценностных представлений, отвержение нравственных и эстетических норм. *Релятивизм можно рассматривать и как эклектику, развертывающуюся во времени*, поскольку утверждается, что познавательные, ценностные, в том числе этические и эстетические, представления у различных субъектов (индивидуальных и коллективных) в разные времена принципиально не стыкуются друг с другом, и следовательно не образуют никакой системы.

Диалектика системного плюрализма. Однако плюралистическое сочетание различных принципов может быть не только внешним и механическим. Оно может строиться и на усмотрении единой глубинной сущности сочетаемых концепций, на представлении их как разных сторон единого целого, как описания различных уровней бытия или сознания и т.п. Такой плюрализм, как уже было сказано, можно назвать системным. Однако системность такого плюрализма может быть различной. Отсюда и различные его проявления в философском мышлении. Разумеется, можно и нужно исследовать правомерность той или иной системы, объединяющей разнородные элементы, но нельзя отвергать с порога философскую концепцию только за то, что она не является монистической и стремится найти определенное единство различных идейных конструкций.

Может показаться, что само понятие системного плюрализма включает в себе сочетание несовместимого. Ведь *системность* предполагает *монизм*, противостоящий плюрализму по определению! С другой стороны, разве любая система не есть система различных элементов? Зачем тогда, спрашивается, нужно понятие «системный плюрализм»?

Сами элементы, которые объединяются системными и структурными связями, могут быть разными. Если элементы, охватываемые системой, *разнородны* и на первый взгляд представляются даже несовместимыми друг с другом, тогда система таких элементов и характеризуется *системным плюрализмом*. Например, Г.П. Федотов следующим образом говорит о философии Н.А. Бердяева: «У Бердяева в молодости было много учителей, таких далеких и несхожих. Из западных “отцов” достаточно назвать Якова Бёме и Канта, Маркса и Ницше. Самое сочетание этих несовместимых имен исключает мысль об эклектическом синтезе. Их невозможно примирить, но можно перелить, расплавив в личном опыте, в совер-

шенно новое и оригинальное мировоззрение. Такова была философия Бердяева...»⁶. Обратим внимание на то, что Г.П. Федотов, показывая разнородность философии Бердяева, исключает саму мысль об эклектическом синтезе.

Определяя в 1934 г. методологические основы своего курса лекций по истории эстетических учений, А.Ф. Лосев следующим образом определил свое философское мировоззрение в соотношении со своими предшественниками: «Что же со мною делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположения часто кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я — Лосев! Все прочее будет неизбежной натяжкой, упрощенчеством и искажением, хотя и не так трудно уловить здесь черты длинного ряда философских систем, горячо воспринятых в свое время и переработанных когда-то в молодом и восприимчивом мозгу»⁷. Лосев, по нашему убеждению, оставался Лосевым и в молодости, и в старости.

Несомненно, словосочетание «системный плюрализм» является внутренним противоречием. Но это противоречие *диалектическое*. «Системный плюрализм» есть одно из проявлений *единства противоположностей* — диалектической закономерности, выявленной еще Гераклитом Эфесским.

Системность плюрализма и монизма. Возможность диалектического сопряжения *плюрализма* и *монизма* отмечали как сторонники плюрализма, так и его противники. Так, Л.М. Лопатин, определявший свою философскую позицию как систему «спиритуалистического монизма», в статье «Монизм и плюрализм» подчеркивал, что «единство и множество — понятия соотносительные и нерасторжимые для ясного и серьезного анализа», полагая, что во «внутреннем двойстве всякого бытия заключается *диалектический* или, если угодно, *иррациональный* элемент в нашем понятии о бытии». И поэтому «чистый *монизм* есть такая же мертвая и безмолвная для нашей мысли абстракция, как и чистый *плюрализм*»⁸. С. Гессен в статье «Монизм и плюрализм в систематике понятий», отмечая «диалектический характер понятия», утверждал, что «плюрализм в систематике понятий... не достаточен и требует своего *восполнения монизмом*» и что в «систематике понятий монизм есть необходимо обратная сторона плюрализма»⁹. Диалектика *системного плюрализма* основана на диалектике единого и многого, части и целого, элементов и системы. Системный плюрализм — это синтез, «снимающий» крайности «тезиса» и «антитезиса». Он не отрицает того, что существует единая Истина, но он предполагает движение к ней с разных сторон. Системность плюрализма может быть различной. Отсюда и различные его проявления в философ-

ском мышлении, различные соотношения между плюрализмом (в том числе дуализмом) и монизмом.

В общей теории систем проводится различие между «открытыми» и «закрытыми» системами. Применительно к предмету нашего изучения *открытая система* — это система, которая может быть дополнена новыми компонентами, или элементами. Притом степень такой открытости различна. Любая системность по своей тенденции монистична. *Закрытая*, или замкнутая, *система* — система самодостаточная, не допускающая никакого дополнения, как, например, система философии Гегеля. Такая концептуальная система всецело монистична. Более или менее *открытая система* может быть совмещена с *плюрализмом*. Системный плюрализм предполагает системы с различной степенью открытости. Более открытая система образует *монистический плюрализм*. Менее открытая — *плюралистический монизм*. Но и монистический плюрализм, и плюралистический монизм представляют собой разновидности системного плюрализма.

Следовательно, по нашей концепции, *мера системного плюрализма определяется*, во-первых, *множеством элементов, охватываемых той или иной системой*, во-вторых, — *степенью разнородности этих элементов*, в-третьих, — *степенью открытости самой системы*.

3. Принцип плюрализма в русской философии

Основоположник персонализма в России А.А. Козлов (1831 — 1901) определял свои философские воззрения панпсихизма как «*плюралистический монизм*», поскольку, признавая, в духе учения Лейбница и Лотце, множественность «*деятельных субстанций*», «*истинных индивидуумов*», «*множество реальных существ*», он считал, что эти субстанции «*составляют единую мировую систему*». А.А. Козлов полагал, что понятие «*плюралистический монизм*» не является «*противоречием в терминах*», а выражает то, что «*мышление об одном ведет, по противоположению, к мысли о многих и обратно, мысль о многих ведет к мысли об одном*»¹⁰.

Через всю философию Семена Людвиговича Франка (1877 — 1950) проходит методологический принцип, который он называет «*антиномистическим монодуализмом*», т.е. «*совпадением противоположного*», «*единством раздельности и взаимопроникновения*»¹¹. Этот несомненно диалектический принцип Франка восходит к учению любимого им философа Николая Кузанского (1401 — 1464) о «*совпадении противоположностей*». В русской философии сторонником антиномистического принципа был Павел Александрович Флоренский (1882 — 1937), утверждавший, что «*тезис и антитезис вместе образуют выражение истины*». Другими словами, истина есть *антиномия*, и не может не быть таковою»¹².

Принцип «*антиномистического монодуализма*» Франк использует для разрешения многих проблем своей философской системы. Так,

этот принцип применяется им для понимания самого *всеединства* в его частях и в целом, в его вневременности и становлении во времени, в его реальности и идеальности. Он применяет этот принцип для определения взаимосвязи «души» и «тела», «души» и «духа», двойственности человеческой личности, которая «как бы стоит на пороге между душевным и духовным бытием»¹³, взаимоотношения «я» и «ты», объективного и субъективного в общественном бытии и многих других проблем общества. «Антиномистический монодуализм» служит ему для уяснения связи субъекта и объекта в процессе познания, знания и жизни в «живом знании», «рациональности» и «иррациональности», единство которых образует «трансрациональное»¹⁴, т.е. «сверхрациональное». Сам принцип «антиномистического монодуализма» Франк характеризует как «трансрациональный»¹⁵.

В построении своего «символизма метафизики» Андрей Белый использует самый разнообразный философский материал, но отказывается сводить свое символистское миропонимание к любому из элементов этого материала: «Поэтому не прикрепляйте меня вы, крепители, объяснители, популяризаторы, — всецело: к Соловьеву, или к Ницше, или к кому бы то ни было; я не отказываюсь от них в том, в чем я учился у них; но сливать “мой символизм” с какой-нибудь метафизикой — верх глупости... самое мое мировоззрение — проблема контрапункта, диалектики энного рода методических оправ в круге целого»¹⁶. А. Белый писал: «...мировоззрение мое для вас весьма туманная штука: оно ни монизм, ни дуализм, ни плюрализм, а плюро-дуо-монизм»¹⁷. При этом и плюрализм, и дуализм в философских воззрениях А. Белого преодолеваются в «*конкретный монизм*», воплощенный высшим началом — Символом с большой буквы.

Называя свою философию *плюро-дуо-монизмом*, Андрей Белый стремится к такой теории символизма, которая была бы *плюралистической*, т.е. сочетающей в себе многообразие жизненных явлений («символизаций»), а также концепции различных мыслителей и, в то же время, была бы *монистической*, т.е. единой, свободной от эклектического смешения разнородных элементов, соединяющей эти элементы в целостную систему. Следовательно, философию символизма Андрея Белого можно рассматривать как одно из проявлений *системного плюрализма*. У Андрея Белого не все сплавилось воедино, но, несомненно, была потребность в гармоническом синтезе различных элементов единой системы, в том, что он называет «плюро-дуо-монизмом» и «конкретным монизмом».

Субъективное стремление к *системному плюрализму* еще, конечно, не означает действительной *системности* плюралистической позиции того или иного мыслителя, но, безусловно, выражает потребность в такой системности. Историко-философский анализ и призван выявить степень этой системности и ее конкретный принцип, ту

доминанту, которая и делает системный плюрализм, по выражению А. Белого, «конкретным монизмом».

Разумеется, можно и нужно исследовать правомерность той или иной системы, объединяющей разнородные элементы, но нельзя с порога отвергать философскую концепцию только за то, что она не является монистической и стремится найти определенное единство различных идейных конструкций. На мой взгляд, понятие системного плюрализма позволяет по достоинству оценить воззрения тех мыслителей, философские взгляды которых не укладываются в привычную схему материализм — идеализм или следования какому-либо одному признанному философскому течению.

Плюрализм присущ многим русским философам. Это обусловлено тем, что русские мыслители внимательно изучали произведения философов Германии, Франции, Англии. Целые периоды интеллектуального развития России проходили под знаком освоения философских идей французских просветителей, философии Шеллинга, Гегеля, Фейербаха, Ницше, Маркса. В России находили отклик все важнейшие философские течения Запада: шеллингианство, гегельянство, фейербахианство, кантианство, позитивизм, интуитивизм, феноменология, марксизм и др. Это давало повод некоторым интерпретаторам истории русской философии заявлять о неоригинальности русской мысли. Правда, иногда появлялись столь же категоричные противоположные суждения, когда утверждалось, что передовая революционная мысль в России была не только самобытна и совершенно независима от западной философии, но и во многом превосходила последнюю.

На наш взгляд, неверны как суждения о несамостоятельности и неоригинальности русской мысли, так и тенденциозное противопоставление отечественной философии зарубежной. Конечно же, русские философы, как правило, были отлично осведомлены о состоянии западноевропейской философии (они нередко учились или стажировались в зарубежных университетах). Об этом свидетельствует большое число переводов на русский язык произведений иностранных философов. Однако эти влияния и воздействия не были чисто внешними, они преломлялись через потребности российской духовной жизни и оригинальное творчество самих русских мыслителей, которые не довольствовались философским импортом. Поэтому русские мыслители чаще всего не следовали какому-либо одному течению западной философии. Взяв за исходный пункт то или иное течение, они дополняли его другим, в том числе и отечественным направлением. В результате же получалась не разнородная смесь, а оригинальный плюралистический синтез¹⁸.

Ниже в качестве примера плюралистической философии будут охарактеризованы философские воззрения В.Г. Белинского.

4. Плюрализм в эволюции философских воззрений Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский (1811 — 1848) — социальный мыслитель, литературный критик и публицист, деятельность которого имела огромное влияние на развитие русской мысли и споры о котором не утихают и в наши дни.

В одной из ранних своих работ Белинский писал, что критика «есть движущаяся эстетика». Эта ставшая крылатой формула в полной мере относится к самому критику. Его беспрестанно движущаяся критическая деятельность в качестве своего фундамента, несомненно, имела философскую и эстетическую теорию, притом не какую-то уже готовую, у кого-то заимствованную, но свою, формулируемую в самих критических статьях. Каковы же были философские воззрения Белинского? Ответить на этот вопрос очень непросто, потому что его философия была «движущейся» философией. Как оригинальный мыслитель он менял свои мировоззренческие ориентации, одержимый поиском истины.

Пережив под влиянием Станкевича и Бакунина краткий период увлечения субъективным идеализмом Фихте («Я есть всё»), Белинский, как и его философские друзья, окунается в философию Гегеля, нового властителя дум передовой русской молодежи. В центре внимания оказался гегелевский принцип: «Что действительно, то разумно», хотя, по Гегелю, верно и обратное: «Что разумно — то действительно», т.е. действительно-разумно не всё, что существует. Но Белинский из первой части гегелевской формулы делает вывод о необходимости примириться «с гнусной российской действительностью», ибо «жизнь всякого народа есть разумно-необходимая форма общемировой идеи»¹⁹.

Через некоторое время Белинский понимает, что сам факт существования не может быть оправданием этого существования, оправдания, вытекающего из формулы: «Что есть, то разумно». «Да и палач ведь есть же, и существование его разумно и действительно, но он тем не менее гнусен и отвратителен»²⁰. В чем же заключается критерий, позволяющий в самой действительности отличать подлинное от неподлинного, гнусного и отвратительного? Этот критерий мыслитель находит в человеческой личности. «Для меня теперь, — пишет он В.П. Боткину в октябре 1840 г., — *человеческая личность* выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!»²¹ В письме Боткину от 10 — 11 декабря 1840 г. критик развивает свое обоснование идеи человеческой личности или «личного человека» как высшей ценности и как критерия для определения явлений действительности. «Идея либерализма, — по его словам, — в высшей степени разумная и христианская, ибо его задача — возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства, и сам Спаситель сходил на землю и страдал на кресте за *личного человека*»²².

В письме к Боткину от 8 сентября 1841 г. Белинский так определил особенности своего идейного развития: «Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь с старою идеею, отрицаю ее донельзя, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности, — это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания»²³.

Поворот в мировоззрении Белинского в начале 40-х гг., разочарование в гегелевской философии вели его к новому миропониманию. В 1842 г. он благодаря Герцену знакомится с философией Л. Фейербаха, а с 1843 г. начинается его переход на позиции материалистической философии. В очерке «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и в письме В.П. Боткину от 17 февраля 1847 г. Белинский заявляет о себе как убежденный сторонник материалистического мировоззрения. Что это означает? Речь здесь идет о понимании значения материального начала, обуславливающего проявления человеческой духовности. «Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — риторически спрашивает автор «Взгляда на русскую литературу 1846 года». — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед массою его мозга, где происходят все умственные отправления... Психология, не опирающаяся на физиологию, так же не состоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии»²⁴. Такого рода материализм, исходящий из природы человека, которая сама является высшей частью природного мира, можно определить как *антропологический материализм*, свойственный философии Фейербаха, а также философским взглядам Чернышевского и Добролюбова.

Было бы неправильно считать, что Белинский просто перенимал те или иные философские взгляды. Воспринимая Гегеля или Фейербаха, он трансформировал их воззрения в соответствии с собственным миропониманием, обусловленным социальными и литературными процессами, к которым он был лично причастен. Влияние, оказываемое на него со стороны, действовало на него лишь в меру его собственных потребностей духовного развития. В этом плане представляет интерес его отношение к статье молодого Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение», напечатанной в 1844 г. в «Немецко-французских ежегодниках» («Deutsch-Französische Jahrbücher»), в которой содержалась формула: «Религия есть *опиум* народа». В январе 1845 г. в письме к Герцену Белинский заметил: «Кетчер писал тебе о парижском “Ярбюхере”, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и всё тут. Истину я взял себе — и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут...»²⁵

Изучая мировоззрение Белинского, не нужно поддаваться искушению упрощать его миропонимание, игнорируя плюралистичность его

взглядов. Казалось бы, на основании процитированного письма, как и воспоминаний современников, в том числе Достоевского, следовало бы зачислить русского критика в несомненные атеисты. Но все не так просто. В своем письме к Гоголю от 15 июля 1847 г., написанном по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями», Белинский утверждает, что русский народ «по натуре своей глубоко атеистический народ», хотя и подверженный суевериям²⁶. Это письмо рассматривалось в большинстве советских работ о Белинском как яркий пример его воинствующего атеизма. Однако Белинский здесь сам выступает как приверженец «учения Христова» и обвиняет Гоголя в том, что он преисполнился не «истиною Христовой», а «дьяволова учения»²⁷. При этом критик противопоставляет Христа, который «первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства, и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения», церкви, являющейся, по его словам, «иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми»²⁸. «Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей...»²⁹, — утверждал Белинский.

Можно сказать, что *плюрализм философии Белинского — это, прежде всего, плюрализм, развертывающийся в процессе его философской эволюции, смена его философских ориентаций*. В начале творческого пути его философская позиция во многом иная, чем в конце. В этом одна из причин противоречивого отношения к Белинскому и его наследию. Так, поэт и самобытный мыслитель Аполлон Григорьев очень любил критические труды Белинского раннего периода и отрицательно относился к его статьям второй половины 40-х гг. Напротив, советские исследователи подчеркивали значимость идей позднего Белинского как материалиста и революционного демократа. И не случайно тот же Белинский, именуемый «отцом русской интеллигенции», вызывал негодование у либерально настроенных авторов сборника «Вехи» (1909).

Плюрализм философского мировоззрения, проявляющийся в переходе из одной крайности в другую, спасает от эклектики сама личность гениального критика. Этот искренний поиск истины делал Белинского «неистовым Виссарионом» на каждом этапе его философской эволюции, хотя его взгляды на искусство и общество на разных этапах существенно различаются. Большой интерес для исследователей идейного наследия Белинского представляет эволюция его философских воззрений, логика перехода от одного этапа к другому, честность, искренность и страстность в поиске истины. Само по себе изменение взглядов — обычное явление в философии и других областях знания. Оценка же этой «смены вех» зависит подчас не только от того какое «шило» и на какое «мыло» меняется, но и от роли таких

факторов, как страх или карьерные соображения. У Белинского, в отличие от некоторых его и наших с Вами, читателей, современников, эти факторы никакой роли не играли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Солженицын А.* Наши плюралисты // *Солженицын А.* Публицистика. В 3 т. Т. 1. – Ярославль, 1995.

² *Wolff C.* Vernünftige Gedanken Von Gott, Der Welt und der Seele des Menschen, Auch allen Dingen überhaupt... Vorrede. – Magdeburg, 1743. – S. 3 – 4. Впервые эта классификация была опубликована в первоначальном издании Vorrede в 1721 г.

³ *Кант И.* Соч. в 6 т. Т. 6. – М., 1966. – С. 360.

⁴ Там же. – С. 359.

⁵ *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. – М., 1965. – С. 497.

⁶ *Федотов Г.П.* Бердяев-мыслитель // *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991. – С. 396.

⁷ *Лосев А.Ф.* Форма – Стиль – Выражение. – М., 1995. – С. 356.

⁸ *Лопатин Л.М.* Монизм и плюрализм // *Вопросы философии и психологии.* 1913. Книга 116 (1). – С. 89, 85, 84.

⁹ *Гессен С.* Монизм и плюрализм в систематике понятий // *Научные труды русского народного университета в Праге.* Т. I. – Прага, 1928. – С. 36, 31, 41.

¹⁰ *Козлов А.А.* Мысли о некоторых философских направлениях, преобладающих в современной русской литературе и об одном возможном в будущем // *Свое слово.* № 5. – СПб., 1898. – С. 129, 130, 131.

¹¹ *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // *Франк С.Л.* Соч. – М., 1990. – С. 385, 403.

¹² *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. I – II. – М., 1990. – С. 147.

¹³ *Франк С.Л.* Непостижимое. – С. 408.

¹⁴ Там же. – С. 385, 557 – 558.

¹⁵ Там же. – С. 409.

¹⁶ *Белый А.* На рубеже двух столетий. – М., 1989. – С. 196. Самоопределение философии символизма Андрея Белого как *плюро-дуо-монизма* содержится и в других его текстах (См.: *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 438, 460, 471, 491).

¹⁷ Там же. – С. 197.

¹⁸ Рассмотрение русской философии в плюралистическом аспекте было принято автором этих строк в кн.: «История русской философии. Очерки» (М.: Республика, 2005) и «Historia filozofii rosyjskiej. Podręcznik» (Gdańsk, 2008).

¹⁹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. В 13 т. – М., 1953 – 1959. Т. III. – С. 247.

²⁰ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XI. – С. 577.

²¹ Там же. – С. 556.

²² Там же. – С. 577.

²³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XII. – С. 66.

²⁴ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. X. – С. 26.

²⁵ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XII. – С. 250.

²⁶ См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. X. – С. 215.

²⁷ Там же. – С. 214.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – С. 218.

Аннотация

В статье показывается вклад русской философии в теоретическую разработку понятия «плюрализм». Раскрывается критика эклектического плюрализма, возможность охвата разнородных элементов единой системой («системный плюрализм»), диалектика соотношения плюрализма и монизма в зависимости от степени открытости системы. Системным плюрализмом характеризуется вся история философской мысли, а также индивидуальное своеобразие философских воззрений того или иного мыслителя. Это положение иллюстрируется рассмотрением плюрализма в эволюции философских воззрений В.Г. Белинского.

Ключевые слова: русская философия, плюрализм, монизм, эклектика, системность, диалектика, В.Г. Белинский.

Summary

The article shows the contribution made by Russian philosophy to the theoretical development of the concept of «pluralism». It examines the critic of eclectic pluralism, the ability to incorporate diverse elements into a single system («systemic pluralism»), the dialectic relation of pluralism and monism, depending on the degree of openness of the system. Systemic pluralism characterizes the whole history of philosophical thought, as well as the individuality of philosophical ideas of a thinker. The paper proves this position on the example of pluralism in the evolution of philosophical ideas of Belinsky.

Keywords: Russian philosophy, pluralism, monism, eclectic, systemic, dialectics, Belinsky.